

М. НЕЧКИНА

Грибоедов и его эпоха

Грибоедовское время — это время Пушкина и декабристов, «грозы двенадцатого года», и волнений Семеновского полка, время великих событий и деятельности замечательных русских людей. Но это живое дыхание эпохи ушло из биографического трафарета, установленного работами вулгарных социологов. Они, клеветая на великого писателя, объявили его «барина» и «дэнди», равнодушным созерцателем политического кипения своего времени, а пьесу «Горе от ума» ославили «самой барской» пьесой русской литературы.

Привлечем данные эпохи, соберем по крупицам неуцененный материал, проверим привычные цитаты, еще раз вдумаясь в известные первоисточники, заглянем в неисследованные архивы грибоедовских современников и в фонд следствия над декабристами — и картина окажется совсем иной, чем ерисовали вулгарные социологи в угоду своим антинаучным, антинародным позициям. Многие документы не дошли до нас, многие голоса невозвратно умолкли, но все-таки по крупицам восстановленная действительность многое может объяснить в творчестве писателя.

Одновременно с Грибоедовым в университетском пансионе и Московском университете училось не менее 26 будущих декабристов. Мы встречаем тут имена декабристов Каховского, С. Трубецкого, Якубовича, Никиты Муравьева, Вадковско-Якупова, Артамона Муравьева, Степана Семенова и многих других. В то же время тут учились многие друзья будущих декабристов, имена которых постоянно влетают в историю общественного движения эпохи, — тут учились в те же годы, что и Грибоедов, братья Петр и Михаил Чаадаевы, первый из которых сам причастен к движению декабристов, князь Иван Шербаков, пострадавший по делу о восстании Семеновского полка, братья Раевские... Московский университет в то время был передовым учебным заведением, ряд его преподавателей — особенно русские профессора из разночинцев (Цветаев и др.) — сами были причастны к передовой идеологии времени. А главное, само студенчество было носителем новых идей, было охвачено атмосферой идейного кипения, с жадностью гналось к новой литературе, обсуждало политические темы. Студенты читают и подпольную литературу — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, запрещенные иностранные произведения. К лучшему другу Грибоедова — студенту Петру Чаадаеву приезжает на квартиру сам московский полицмейстер отбирать запрещенные брошюры. Студенчество грибоедовского времени оживленно спорит о Вольере и Руссо, обсуждает преимущества республиканского правления, переживает острые религиозные кризисы. В центре внимания молодежи — Россия, родина. Никита Муравьев пишет, что он в студенческие времена «не имел образа мысли, кроме пламенной любви к отечеству». Эта любовь к родине уже соединена у некоторых с критической мыслью по отношению к крепостному праву и деспотическому строю самодержавия. Уже бродят смутные замыслы борьбы за лучшее. В этой идейной атмосфере рос и развивался умный, талантливый, живой, «разностно учившийся» студент Грибоедов, в этой атмосфере написал он свою первую, не дошедшую до нас комедию. Нет сомнений, что именно тут, в эти годы, закладываются основы его передового мировоззрения.

Также нет сомнений, что патристический порыв Грибоедова, который привел его прямо со студенческой скамьи в ряды армии в самом начале Отечественной войны 1812 года, не был безотчетным юношеским увлечением, а имел сложную идейную подоснову: на войну ушел не Петя Ростов из «Войны и мира», а студент Московского университета, готовившийся уже к экзамену на степень доктора, юноша, кончивший два факультета, работавший над историей философских систем, друг Петра Чаадаева, молодой человек, в беседе с которым находили интерес крупные политические деятели той эпохи.

Время пребывания в армии было полно незабываемых политических впечатлений. Молодых людей, по словам декабриста Якушкина, окружала «огромная обстановка». В том Иркутском гусарском полку, куда вступил Грибоедов, было около 200 участников Бородинского сражения.

Архив Кологривова рисует сложную жизнь штаба кавалерийских резервов в Бресте, где служил Грибоедов, сюда на границу ранее других городов приходили вести о великих событиях времени — о Дрездене, о битве под Лейпцигом, о торжественном вступлении русских в Па-

риж. Тут на глазах Грибоедова формировались новые полки, проходили в тыл партии французских пленных, совершались суды над дезертирами...

После заключения мира Грибоедов едет в Петербург, — в то же время, когда туда начинает возвращаться русская гвардия после заграничных походов. Немало будущих декабристов, друзей Грибоедова, возвращается из-за границы. Теперь понятно, что заграничные впечатления вовсе не «породили» декабризм (зародыши критики крепостного строя возникли много ранее), — заграничные впечатления были лишь «катализатором», ускорителем ранее намечившегося процесса.

Годы 1815 (вероятнее дата 1814) — 1818 (до августа) Грибоедов проводит в Петербурге. Это годы подготовки, зарождения и первоначального оформления ранних декабристских обществ Союза спасения и Союза благоденствия, а также их предшественниц — офицерских «картелей». Это были годы, когда, по словам декабриста Пестеля, «дух преобразования» заставлял «езде умы хлокочать». Европейская действительность, по словам того же декабриста, уже «ознакомила умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить». Борьба против крепостного права и против самодержавия была в центре слагающейся революционной идеологии. Кипение идейной атмосферы возникающих декабристских обществ не могло не захватить Грибоедова через его многочисленные декабристские знакомства. Можно насчитать около 43 имен декабристов и их друзей среди знакомых Грибоедова в этот период.

Среди них — ближайший друг Грибоедова С. Бегичев, принятый в тайное общество в 1817 г., т. е. до образования Союза благоденствия, один из основателей Военного общества (посредствующее звено между Союзом спасения и Союзом благоденствия) — П. Катенин, члены Союза благоденствия П. Каверин, Як. Толстой, П. Муханов, тут и представитель основного ядра учредителей тайного общества декабристов — С. Трубецкой, Никита Муравьев, тут и близкие к декабристам люди — А. Пушкин, П. Чаадаев, И. Шербаков, А. Строганов, А. Жандр, и будущие декабристы — В. Кюхельбекер, А. Одоевский, Поливанов и другие. В эти годы Грибоедов является членом той же масонской ложи «Соединенных друзей», куда входят Пестель, Илья Долгорукой, Фед. Шаховской. Через С. Бегичева Грибоедов связан с кругом кавалергардов — в этом гвардейском полку наибольшее число декабристов. В этой среде Грибоедов мог многократно наблюдать основную коллизию времени — молодого человека, сторонника новых идей в столкновении с крепостническим миром.

По свидетельству своего лучшего друга С. Бегичева, Грибоедов задумал «Горе от ума» в 1816 г. Замысел этот долго таился и вызревал, возникали герои, позже отброшенные автором (жена Фамусова), и, наконец, в 1820 г. замысел стал облекаться в плоть и кровь того первоначального текста, который уже носил многие знакомые нам черты, чтобы, наконец, к концу 1824 года отлиться в знакомую всем нам форму (последние авторские штрихи Грибоедов наносил на текст еще весной 1825 года).

Комедия была пронизана «духом времени», она воплотила и понесла в себе живые идеи эпохи, которым было суждено большое будущее. Действующие лица пьесы были отчетливо поделены на два лагеря. Молодой новатор стоял против лагеря старого мира, против защитников косности и отжившей старины и вызывал их на бой. За спиной героя, который один на один выходил на борьбу с крепостническим миром, чувствовалось немало сторонников, — это не только «князь Федор», племянник княгини Тугоуховской, который «в деревне книги стал читать», не только двоюродный брат Скалозуба, который «службу вдруг оставил», хотя ему следовало чин, но немало упоминаемых и подразумеваемых лиц, которые уже давно тревожат лагерь Фамусовых и Скалозубов — и профессора Педагогического института, которые «упражняются в расколах и в безверии», и самое многочисленное число в восклицианиях Фамусова: «Все умудрились не по летам!» «Вот то-то, все вы гордецы!» и т. д.

В любой пьесе для обеспечения действия необходимо не менее двух лагерей, но замечательной особенностью «Горя от ума» явилось то, что здесь два лагеря взяты из реальной русской жизни. Их возникновение после наполеоновских войн было всемирно-историческим явлением, — их можно было наблюдать со свои-

ми своеобразными местными особенностями и в Испании, и в Бельгии, и в Неаполе, и в Греции, и в Португалии, и в Пьемонте. В «зачерченной» Союзе благоденствия — «Зеленой лампе» — читалось литературное произведение «Письмо к другу в Германию», где говорилось, что петербургское общество поделено на «две партии», которые «находятся всегда в своего рода войне — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света»; первая «партия» это «сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма», а вторая — «пионеры либеральных идей».

Чацкий чувствовал историческое расстояние между двумя лагерями, — он говорил о «веке нынешнем» и «веке минувшем», громил старых судей нового мира, черпавших суждения из «забытых газет времен очажовских и покорежья Крыма». «Мы ушли от них на сто лет вперед», — как бы вторил Чацкому декабрист Якушкин.

Герой пьесы только что вернулся из-за границы — это не было случайным литературным штрихом — такова была общественная ситуация поколения. Вся армия побывала за границей, и передовая молодежь тем отчетливее измерила расстояние между старым и новым.

Современник живо чувствовал морской воздух и видел приближающийся к Кронштадту корабль, на котором возвращались русские люди. «Как Чацкий, с корабля на бал» — сказал Пушкин, хотя в «Горе от ума» ни слова не говорится о корабле.

Историк не может не вспомнить о русских гвардейских полках, которые, выйдя из Парижа в солнечный летний день 1814 года, грузились на корабли в столь знакомом нам всем теперь Шербуре. Военная служба в великие дни Отечественной войны и освобождение Европы от узурпатора были живым участием в истории. Люди воспитали в себе новое чувство чести — служить не лицам, а делу, насыщать личные действия историческим содержанием «свободной жизни». Но вражда старого к «свободной жизни» была «непримирима», как сказал Чацкий, — как служить в порабощенной родине, где самодержавный деспотизм железным кольцом сузил до предела круг возможностей работы во имя отечества? Кому служить? Аракчееву? В словах «служить бы рад — прислуживаться тошно» — не общая сентенция случайного порядка, а глубокая историческая проблема, — «что делать?» — того поколения. Весь моральный комплекс вопросов чести и службы у Чацкого повернут против самодержавия. Его возмущение крепостным правом есть протест против самого института крепостных отношений.

Грибоедов, доверивший Чацкому лучшие свои мысли и чувства, арестованный по процессу декабристов и запертый на гауптвахте Главного штаба, — с полным правом говорил о себе:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
За что посажен в главный штаб
И там пританит к Иисусу.

Пьеса отразила процесс формирования русской национальной идеологии.

В ту эпоху, когда автор начал работу над замыслом и его воплощением, новаторы времени — именно словом, проповедью обличали старый мир. Это была основная позиция борца, тактика «Союза благоденствия». Молодежь повсюду «тремела» против диких учреждений крепостного права, как говорит декабрист Якушкин, — и герой пьесы придерживался той же линии. Образ Репетилова, возникший позже — повидимому, в 1823 году, по возвращении Грибоедова с Востока из родины, — глубоко отразил декабристскую линию борьбы против ополчения замыслов и тактики тайной организации. Это была не «насмешка» над тайным обществом, а борьба за правильную линию его действий. Декабристы с восторгом приняли «Горе от ума», признали его «своим», разделили точку зрения автора, осудив Репетилова, и в начале 1825 года под диктовку списывали в несколько рук «Горе от ума» на квартире декабриста Одоевского (где в то время жил и Грибоедов), чтобы распространить пьесу в провинции с уезжавшими в отпуск декабристами. Декабристы воздействовали на Грибоедова, и Грибоедов воздействовал на декабристов.

«Горе от ума» — пьеса, полная исторического движения. Движение времени дошло до быта, до корней действительности, до простой повседневной русской жизни, оно вспыхнуло в одном из многочисленных домов дворянской Москвы — в доме Фамусова, куда герой вернулся для встречи с любимой девушкой. Значит, глубоко проникло историческое движение в русскую жизнь, если оно дошло до бытовой повседневности. Образы живых людей нарисованы бессмертным пером, отчеканены автором в сознании поколений. Перед нами — картина русской жизни, взятая в глубоком историческом движении, переданная непревзойденной живой русской речью. Пьеса обессмертила великую тему новатора перед лицом старого мира. Выросшая на определенной исторической почве, насыщенная идеями своего времени, эта самая живая и самая политическая пьеса XIX века, дала русской культуре бессмертные образы смелой борьбы с тем старым, отживающим, которое цепко хватается за жизнь, но обречено на смерть силой возникающего нового. Исчерпать сопоставленную тему в небольшой статье невозможно, — можно лишь бегло наметить ее контуры. Ясно одно: трафарет грибоедовской биографии и творчества, распространенный вулгарными социологами, мешает понять автора и его пьесу в глубочайшей исторической связи с их современностью, с живым общественным движением эпохи. Только это широкое историческое воззрение помогает нам осознать великое общечеловеческое значение комедии Грибоедова для наших дней.

Грибоедовский том «Литературного наследства»

Подготовлен к печати сорок седьмой том «Литературного наследства», посвященный жизни и творчеству А. С. Грибоедова.

Открывается книга работой Н. Пиксанова, освещающей основные этапы творческого пути Грибоедова, как одного из основоположников реализма в русской драматургии. Особое внимание Н. Пиксанов уделяет позиции Грибоедова в литературной жизни современной ему эпохи, в частности — вопросу о его связях с декабристской литературой.

Статья Вл. Орлова дает анализ художественной проблематики Грибоедова.

В работе М. Нечкиной заново ставится вопрос о времени возникновения замысла «Горя от ума». На основе богатого фактического материала, частично впервые приведенного для научного исследования, устанавливаются близкие связи Грибоедова со многими деятелями тайных обществ — Союза спасения и Союза благоденствия.

Статья Ю. Тынянова посвящена разбору сюжета «Горе от ума», как произведения, с огромной силой отразившего противоречия исторической действительности своего времени.

В сообщении А. Шейтлина дается обзор грибоедовских образов, встречающихся в сочинениях В. И. Ленина. В сообщении А. Шадуриной говорится о связях Грибоедова с грузинскими литераторами — общественными кругами 1820-х годов. В сообщении И. Ильинской сделана попытка исследования языка писателя Грибоедова, как своего рода творческой лаборатории, в условиях которой формировалась стихия «просторечия», так широко представленная в языке «Горя от ума». Два сообщения посвящены спешенческой истории грибоедовской комедии: В. Филиппов обследует материал, связанный с первыми постановками; в сообщении Л. Ильинского дается обзор постановочной комедии на провинциальной сцене. В сообще-

нии М. Барановской описывается ряд зарисовок, принадлежащих известному комическому актеру и водевилисту П. А. Каратыгину, изображающих Грибоедова и его современников.

Документально-текстовый раздел тома содержит ряд неопубликованных писем Грибоедова, мемуарно-эпистолярных материалов о нем, официальные документы. Большой интерес представляют извлечения из путевых писем К. Ф. Аделунга, близко общавшегося с Грибоедовым в период его пребывания на Востоке. Бумаги, выявленные в архиве кн. А. С. Меншикова, устанавливают факт секретного надзора за Грибоедовым, организованного по приказанию Николая I.

Том богат иллюстрирован портретами Грибоедова и его современников, рисунками к «Горе от ума», художественными материалами, относящимися к театральным постановкам комедии, и т. д.

Объем тома — 25 листов.

Свидание генерала Паскевича с наследником персидского престола Абас-Мирзою в Тегеране. (Литография Машкова). В свите Паскевича (пятый справа) А. С. Грибоедов.
Из грибоедовского тома «Литературного наследства».